

Параллельно с императорской реформацией, по мнению К. Н. Успенского, в Византии в период иконоборчества происходила и так называемая «епископская реформация», составившая одну из существенных линий социально-политической борьбы того времени. Истоки «епископской реформации» автор ищет опять-таки в феодализации самой церковной организации: она была вызвана сопротивлением епископов, не желавших превращаться в простых вассалов крупных церковных сюзеренов и выступавших против роста монастырской аутодеспотии, подрывавшей власть епископов на местах. «Епископская реформация» первоначально составила вполне самостоятельное течение в иконоборчестве, существовавшее отдельно от правительственной «реформации», и лишь позднее обе эти линии в иконоборчестве сближаются и объединяются в общей борьбе против монастырей и монашества¹⁸⁰.

Для общей оценки трактовки иконоборчества у К. Н. Успенского является очень важным его освещение позиции народных масс в иконоборческом движении. Как совершенно правильно указывала уже Е. Э. Липшиц¹⁸¹, наиболее слабым местом концепции К. Н. Успенского в вопросе об иконоборчестве, кроме крайней идеализации монастырства, является резко отрицательное отношение к народным массам и недооценка их роли в иконоборческом движении. Характерное для буржуазной историографии эпохи ее кризиса глубоко презрительное и враждебное отношение к народным массам, проходящее красной нитью через все труды К. Н. Успенского, в оценке роли широких масс в иконоборческом движении проявляется с особой силой. Высокомерно третируя «невежественную чернь», автор подчеркивает, что вопрос о почитании икон был доступен даже для понимания грубых народных масс, ибо это вопрос чисто культурной внешности, религиозных привычек, традиций, так сказать манер христианского общества, захвативший все социальные слои населения¹⁸². Иконодольские писатели, в частности Феофан, следуя традиции, созданной в монашеской среде, всячески пытались доказать, что иконоборческие мероприятия исаврийских императоров встретили «демократический» отпор со стороны широких народных масс. Действительно, монашество вело агитацию среди «темного и легко возбудимого простонародья столицы и других крупных городов», и эта агитация кое-где имела успех: «...сбитая с толка, терроризованная гневом божьим толпа производила скандал, устраивала шумную манифестацию. Но сознательного, планомерного участия в поднявшейся борьбе народ не принимал» (курсив мой. — З. У.)¹⁸³

¹⁸⁰ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 251—252.

¹⁸¹ Е. Э. Липшиц. Предисловие к работе К. Н. Успенского «Феофан и его Хронография». ВВ, III, 1950, стр. 395. Е. Э. Липшиц справедливо указывает, что, сводя социальные столкновения в империи в период иконоборчества лишь к борьбе императоров против монастырского феодализма, К. Н. Успенский чрезвычайно суживает задачу исследования, ибо такая постановка вопроса «выбрасывает из рассмотрения решающие движущие силы, проявляющиеся в классовой борьбе угнетенных классов византийского общества, т. е. именно те силы, которые своей борьбой против господствующей церкви и правительства в значительной степени определили необходимость для последнего вступить на путь реформ». В своих трудах Е. Э. Липшиц позитивно, на основании данных источников, показала участие народных масс в иконоборческом движении. См. Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, VI, 1952, стр. 69—70 и сл.

¹⁸² К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 221.

¹⁸³ Там же, стр. 253. Автор подчеркивает, что вопреки утверждению монашеской партии иконоборческие, вернее, «монахоборческие» мероприятия Льва III не подняли народного движения, ибо народный протест мог бы вылиться в «революцию», а сведений об этом в источниках нет. Следует указать, что под «революцией» К. Н. Успенский всегда понимает лишь государственный переворот в узком смысле слова, только смену правящей династии (см. «Очерки...», стр. 253, ср. стр. 192).